

«ГЛАВНАЯ УГРОЗА — ПРОДОЛЖЕНИЕ ДЕПОПУЛЯЦИИ»

ГОСУДАРСТВО ДОЛЖНО ИГРАТЬ ГОРАЗДО БОЛЕЕ ВАЖНУЮ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА, СКАЗАЛ АКАДЕМИК-СЕКРЕТАРЬ ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РАН, ЭКС-СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ РФ АНДРЕЙ КОКОШИН В ИНТЕРВЬЮ ВГ. ОН СЧИТАЕТ, ЧТО ВЕРОЯТНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ОПТИМИСТИЧНОГО СЦЕНАРИЯ В ЭТОМ МАКРО-РЕГИОНЕ ВЕЛИКА, А НЕРАЗРЕШИМЫХ ПРОБЛЕМ НЕТ.

BUSINESS GUIDE: И Дальний Восток, и регионы Восточной Сибири сейчас воспринимаются как, мягко говоря, проблемная зона. Почему 20 лет капитализма дали такой результат и какие уроки следует извлечь из этого опыта?

АНДРЕЙ КОКОШИН: По своему уровню заселенности, развитию промышленности, транспортной инфраструктуры эти регионы существенно уступают не только Центральной России, но и Уралу, и Западной Сибири. Это все требует огромных, масштабных специальных и целенаправленных усилий именно государства, которое должно было бы здесь на протяжении десятилетий играть гораздо большую роль, чем в других регионах России. Но этого, к величайшему сожалению, не было после распада СССР. Сейчас, я думаю, уроки извлечены и извлекаются, свидетельством чему является объявление государственными руководителями России задачи ускоренного развития Восточной Сибири и Дальнего Востока, решение о создании должности министра развития Дальнего Востока. Приняты эти решения в том числе с учетом разработок Российской академии наук, ряда университетов, включая Дальневосточный федеральный университет, МГУ им. М. В. Ломоносова.

BG: Что является реальной угрозой для этих регионов? Какие их проблемы могут представлять опасность для государства в целом?

А. К.: Главная угроза таится в продолжении депопуляции этих регионов, ухудшении в них социально-психологического климата.

Если не обеспечить мощного импульса в экономическом развитии этих регионов, в развитии их связей с другими регионами России, то мы можем эвентуально утратить над ними экономический и в какой-то мере политический контроль.

BG: Среди проблем, угрожающих развитию Дальнего Востока и регионов Восточной Сибири, — отток населения. Можно ли развернуть миграционные потоки?

А. К.: Можно. Но это потребует больших и даже очень больших усилий, в том числе интеллектуальных. Необходимо провести еще большую исследовательскую работу с привлечением социологов, демографов, психологов, экономистов для определения всего комплекса стимулов, которые могли бы привлечь сюда прежде всего людей высокой квалификации из самой России, из Белоруссии, Казахстана, с Украины, из ряда других стран СНГ. Причем привлекать людей надо прежде всего под конкретные промышленные, транспортные, сельскохозяйственные, научные проекты, многие из которых еще сами нуждаются в более детальной системной проработке.

Для жителей Восточной Сибири и Дальнего Востока необходимо решить и проблему стоимости полетов в европейскую часть России и обратно.

ЕСЛИ НЕ ОБЕСПЕЧИТЬ МОЩНОГО ИМПУЛЬСА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЭТИХ РЕГИОНОВ, В РАЗВИТИИ ИХ СВЯЗЕЙ С ДРУГИМИ РЕГИОНАМИ РОССИИ, ТО МЫ МОЖЕМ ЭВЕНТУАЛЬНО УТРАТИТЬ НАД НИМИ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И В КАКОЙ-ТО МЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ

АЛЕКСЕЙ КАЛУЖСКИЙ

BG: Есть ли у Дальнего Востока и Восточной Сибири шанс воспользоваться быстрым ростом стран АТР для собственного развития? Что для этого требуется?

А. К.: У стран АТР растет спрос на сырье, на энергоресурсы, и они проявляют значительный интерес к проектам освоения природных ископаемых в этих наших регионах. Но нам ни в коем случае нельзя в развитии нашего Дальнего Востока и Восточной Сибири ориентироваться только на такой спрос. Надо вписываться на взаимовыгодных, взаимоприемлемых условиях в интеграционные процессы в сфере обрабатывающей промышленности, в области финансов и др. В целом одна из важнейших задач состоит в том, чтобы эти наши регионы не превратились в сырьевой придаток ни других стран АТР, ни остальной части России.

BG: Что должно стать приоритетом государственной политики на востоке России? Имеет ли смысл делать ставку на государственные инвестиции, могут ли вообще бюджетные вливания что-то принципиально поменять в судьбе этих регионов? Если да — то о каких масштабах госинвестиций должна идти речь?

А. К.: Сценарий «Новые возможности» в нашем докладе «Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте политической и экономической динамики Азиатско-Тихоокеанского региона до 2030 года» не предполагает доминирования государственных инвестиций во всех проектах развития этих регионов. Они должны составить всего около 28% от общего объема потребных инвестиций — это до 2030 года.

BG: Серьезная проблема для региона — транспортная инфраструктура (Транссиб превращается в пробку, автодорог мало, и их состояние оставляет желать лучшего, воздушное сообщение дорого и ненадежно). Разрешима ли эта ситуация?

А. К.: Многие специалисты считают, что вполне разрешима — при правильной постановке дела, при должных инвестициях, при масштабности и продуманности организационных усилий.

BG: Что может стать приоритетом для крупного российского бизнеса?

А. К.: Пока это прежде всего уголь, нефть, газ, развитие рудных месторождений, производство электроэнергии, в том числе на экспорт. Но хотелось бы, чтобы это было и судостроение, и производство оборудования для горнодобывающей промышленности, и высокотехнологичная металлургия.

BG: Есть ли у него вообще перспективы или для появления таких перспектив необходимо изменение всей системы госрегулирования? Кажется довольно показательным, что когда обсуждалась идея создания отдельной корпорации по Сибири и Дальнему Востоку, то предлагалось де-факто вывести весь крупный бизнес из-под действия обычного российского законодательства.

А. К.: Мне кажется, это какая-то неверная интерпретация формулы госкорпорации. Вообще, над этой формулой предстоит еще значительная работа, как и над ее интерпретацией.

BG: Можно ли привлечь в регион иностранные инвестиции помимо нефтегазовых?

А. К.: Над этим надо очень и очень серьезно работать, особенно применительно к инвестициям в обрабатывающую промышленность. Сейчас среди первых ласточек — инвестиции южнокорейского капитала в судостроение в Приморском крае, в автомобилестроение. Если все будет строиться здесь на взаимовыгодной основе — это действия в правильном направлении.

Вообще, вопрос об оптимальном выборе иностранных инвесторов с точки зрения российских интересов — это вопрос не только экономический, но и геополитический. Речь идет об участии в конкретных проектах в разных сочетаниях инвесторов из Республики Корея, КНР, Японии, а также из Вьетнама, США, возможно, Индии и других стран.

По расчетам наших ученых и специалистов, большая часть инвестиций должна быть отечественного происхождения — как государственных, так и частных, для обеспечения национального контроля над всеми крупными производствами, объектами инфраструктуры.

BG: Почему при обсуждении стратегии развития востока выбор делается в пользу селективной политики? Может быть, стоит сделать этот подход общероссийской нормой?

А. К.: Давайте сначала наладим все, как надо, применительно к Восточной Сибири и Дальнему Востоку...

BG: Как может выглядеть экономика региона через 10–20–50–100 лет? Сценарии развития событий («образ мечты и образ катастрофы»).

А. К.: Над «образом мечты» еще надо поработать! Но, как я уже говорил, у нас есть опорный для стратегического развития этого региона сценарий «Новые возможности», который носит довольно оптимистический характер. В соответствии с этим сценарием совокупный ВРП этих двух регионов России должен составить \$806,4 млрд; общий объем потребных инвестиций в новые проекты был определен в \$570 млрд, из которых \$130 млрд составили бы иностранные инвестиции. Следует заметить, что наш сценарий «Новые возможности» предполагает рост мировой экономики с опережающим развитием АТР.

Есть и пессимистический сценарий, в соответствии с которым совокупный ВРП этих регионов к 2030 году будет составлять \$217,8 млрд. По этому сценарию инвестиции в новые проекты имели бы всего \$280 млрд. Этот сценарий в том числе базируется на предположении, что возникнет новая, более глубокая волна мирового экономического кризиса, которая приведет к резкому снижению цен на ресурсы.

BG: Как вы на данный момент оцениваете вероятности каждого из описанных вами сценариев: «Падение в пропасть», «Новые возможности», «От инерции к стагнации»?

А. К.: Я думаю, что вероятность реализации оптимистического сценария «Новые возможности» довольно велика, особенно после того как наше государственное руководство недавно провозгласило курс на ускоренное развитие Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Считаю очень важным то, что применительно к этим регионам в последние годы значительно повысилась обороноспособность нашей страны. Это в том числе демонстрация для инвесторов внимания российского государственного руководства к региону, фактор обеспечения стабильности, а долгосрочные капиталовложения, как известно, любят стабильность.

Это в том числе наглядно показали масштабные оперативно-стратегические учения «Восток-2010».

Я и мои коллеги очень рады тому, что при формулировании задачи ускоренного развития Восточной Сибири и Дальнего Востока был услышан голос отечественных ученых и специалистов, голос наших полпредов по Дальневосточному федеральному округу, по Сибирскому федеральному округу, ряда губернаторов этих регионов. Но надо постоянно иметь в виду, что реализация сценария «Новые возможности» потребует очень масштабных, длительных усилий, весьма основательной интеллектуальной подготовки. А во многом здесь требуются и сверхусилия — уж очень запущенной и сложной, многомерной, многоплановой является эта проблема. ■